Про Илью Муромца (9)

Ай да во стольнѣм во городе во Киѣве
Как жили на за́ставы бога́тыри,
Каравулили-хранили стольнѣй Киѣв-град.
Не видали они ни конного, ни пешего,
Не прохожого они да не проезжаго.
Да не серой-от волк да не прорыскивал,
Да не черной медведь да не пробегивал.
Ставает старбѣй да поутру ранѣшенько,
Да выходит старбѣй, да он на улицу,
Да берет он подзорну свою трубочку.
Он смотрит под сторону под западну:
Кабы там-де стоят горы ледя́ные.
Он смотрит под сторону под северну:
Кабы там-де стоит да море синее.
Он смотрит под сторону под летнюю:
Кабы там бы стоит да поле чистое.
Не туман ведь в поле да полыхается —
Ездит бога́тырь, забавляется:
Он кверху-то стрелочку постреливат,
На сыру землю́ стрелку не ураниват,
На лету-то стрелочку подхватыват.
На одном-то колене держит чернилочко,
На другом-то колене держит бумажечку,
Да и пишет бога́тырь скору грамотку.
Подъезжает бога́тырь ко белу́ шатру,
Он подбросил эту грамотку сторому казаку.
Берет да старбѣй эту грамотку,
Да заходит сторбѣй да во белой шатѣр —
Заревел, закричал он громким голосом:
«Уж как не время спать, да пора вставать,
От велика сона пробуждаться,
От великой хмелины просыпаться!»
Вскочили ребята на резвы́ ногѣ,
Умывались они все ключевой водой,
Утирались они да полотѣнышком.

Вот и стал им читать да старик грамоту:
«Уж я еду да к вам во стольный Киев-град,
Я греметь-штурмовать что ваш стольный Киев-град,
Что Владимира-то князя я под меч склоню,
Молоду его княгиню за себя возьму,
Я Алешу Поповича — во конюхи,
А Добрынюшку Микитича — во писари,
Кабы Мишку Торопанишка — чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки ему мыть да поварёшки,
А святы ваши иконы на поплав спущу!»
Вот и стал тогда старой их спрашивать:
«Да кого мы пошлем да во чисто поле,
Во чисто поле пошлем да за богатырем?
Да послать бы нам Мишку Торопанишка:
У нас Мишка да роду торопливого,
Зря ведь он потеряет свою буйну голову.
Мы пошлём лучше Добрынюшку Микитича:
Добрыня-то — роду у нас вежливого,
Он сумеет с богатырем-то съехаться,
Он сумеет богатырю всю честь воздать».
Вот и стал-то Добрынюшка сряжатися,
Вот и стал-то Никитич сподоблятися.
Да не видели Добрыню, как на коня когда вскочил,
А увидели: Добрыня в стремя ступил, —
Да увидели: в чистом поле куревá стоит,
Куревá стоит, да дым столбом валит,
У коня-то из роту пламя мечется,
У коня из ноздрей искры сыплются,
А хвост трубашкой возвивается.
Полетел тут Добрыня во чисто поле,
Во чисто поле поехал да за богатырем.
Подъезжает Добрыня ко богатырю.
Заревел тут Добрыня во первой након:
«А куда же ты едешь, куда путь держишь?
Не воротись ты на заставу караульную?»
А на это богатырь не вослушался.
Заревел тогда Добрыня да во второй након:
«Ах ты летишь, ворона да пустопёрая,
Ах ты летишь, сорока загумённая,

А ты нас, богатырей, ничем зовешь?»
На это богатырь поворот дает,
Нападает тут богатырь да на Добрынюшку,
Схватил он Добрыню да со добра коня,
Свистнул он его да на сыру землю,
Да дал ему по жопе да два тяпыша,
Да прибавил он два олабыша,
Посадил его назад да на добра коня:
«Поезжай ты назад да во белой шатёр,
Да скажи старику от меня да низко поклон,
Да пусть вами, гонями, не заменяется,
Самому ему со мной не поправиться!»
Видят: едет Добрыня не по-старому,
А конь-то бежит да не по-прежнему —
Повеся он держит да буйну голову,
Потопя он держит да очи ясныя.
Подъезжает Добрыня ко белой шатру,
Заходит Добрыня во белой шатер.
Вот и стал его старой да тут выпрашивати,
И стал ему Добрыня рассказывати:
«Посылает он тебе со мною низко поклон,
Не велел нами, гоняками, да заменяться;
„Самому ему со мной не поправиться“».
У старого глаза да помутилися,
А могучие плеча да расходилися.
Заревел тут старик да громким голосом:
«Уздайте, седлайте коня доброго,
Коня доброго да со восьми цепей,
Не успеете, говорит, горшок щей сварить —
Привезу сюда боярскую да буйну голову!»
Вот и стал тут старой тут сряжатися:
Надеват-то латы богатырские,
Надеват он шляпу да на одно ухо,
На правом плече у него орёл сидит,
На левом у него черный ворон.
Да не видели старика, на коня когда скочил,
Не увидели: старик в стремяна скочил,
А увидели: в чистом поле курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит,

У коня-то из роту пламя мечется,
У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
А хвост трубашкой завивается.
Полетел да старой да во чисто поле,
Во чисто поле поехал да за богатырем.
Подъезжает старой да ко богатырю,
Заревел тут старой да во первой након:
«А куда ты же едешь, куда путь держишь?
Не воротишь ты на заставу караульную?»
А на это Сокольник да не послушался.
Заревел тогда старой да во второй након:
«Ах ты летишь, ворона пустопёрая,
Ах ты летишь, сорока загумённая,
Ах ты нас, видно, богатырей, ничем зовёшь!»
На это Сокольник да поворот дает.
Не две тучи столпились —
Два богатыря тут да солетались.
Задрожала тогда да мать сыра земля.
Они бились-хвостались да целы суточки,
У их палицы все да изломались.
Они бросили тут бой да на сыру землю,
Да и повыхватили сабельки булатные.
Они бились-рубилась да вторы суточки,
У них сабельки все да исщербались.
Они бросили тут бой да о сыру землю,
Да соскочили тогда да со добрых коней,
Да схватились тогда они в охабочку.
Они бились-боролись да третьи суточки.
Да старого похвально да слово спутало —
Одна-то нога да поскользнулась,
А друга-то нога да подломилась,
А столкнул Сокольник его на сыру землю,
Да разорвал он у его латы богатырские,
Да вытащил чинжалище булатное.
Замахнулся Сокольник да во белый ему груди —
Взмолился старой тогда Богородице:
«Пресвятая ты мать да Богородица,
Почему ты меня выдала
Черным воронам да на раслёванье,

Лютым зверям да на растáсканье?»
Вдвое-втрое у старóго силы прибыло.
Сосвистнул он Сокольника со белых грудей,
Соскочил он ему да на черны́ грудí,
Он разорвал его латы богатырские,
Да и вытащил чинжалище булатное,
Замахнулся Сокольнику во белы́ грудí —
А в маханье рука да застоялася.
Он и стал его тогда он и спрашивать:
«Да какого ты роду, да какой племени,
А как же тебя зовут по имени?»
Отвечал Сокольник да такову речь:
«Когда был я у тебя да на твоих грудя́х,
Я не спрашивал ни роду у тя, ни племени».
Замахнулся старóй да во второй након —
А в маханьи рука да остоялася.
Он и стал его опять да тут спрашивать:
«Да какого ты роду, да какой племени,
А как же тебя зовут по имени?» —
«Есть там за морем богатырица да одноокая,
Я ей буду сын, а отец у мя прихожий мóлодец».
Скочил тут старóй на резвы́ ногí,
Схватил он Сокольника за белы́ руки́,
Поставил его на резвы́ ногí:
«А ты будешь сыном, да я отец тебе».

[На этом месте исполнитель, певший всю былину с огромным увлечением, устал и дальнейшее передал в кратких словах:] Сокольник едет к матери за проверкой, узнает от нее правду, сердится, убивает ее, возвращается к Илье, спящему в шатре, и пытается убить его копьем. Илью спасает крест на груди. Богатырь просыпается, убивает Сокольника, выбрасывает из шатра и снова засыпает.

(Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1955 г., д. Абрамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Еремея Провича, 67 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.